

"МЫ ПОСТОЯННО ОЩУЩАЕМ ПРИСУТСТВИЕ АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА, ЕГО МОЩНЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ДУХОВНЫЕ ИМПУЛЬСЫ"

Т.А. Кабанова

бывшая аспирантка А.П. Дульзона,
ныне доцент кафедры английского языка Красноярского педагогического института

Вот и настал миг Андрея Петровича равный столетию в категориях вечной памяти и бесконечной благодарности и признательности. Мы постоянно ощущаем присутствие Андрея Петровича, его мощный энергетический потенциал и духовные импульсы.

Был 1949 год. Андрей Петрович читал нам лекции по истории английского языка. Средних лет, легкая пружинистая походка, спокойный взгляд, приветливое выражение лица и столько уверенности и достоинства во всем облике. Вот Андрей Петрович заходит в аудиторию, встает за кафедру, достает белоснежный платок, протирает очки и начинает объяснять на доске процесс сдвигов, редукции, унификации. Мы слушаем затаив дыхание, стараясь вникнуть в суть таинственной символики.

У Андрея Петровича всегда было много аспирантов, причем одновременно по генетически разным системам: германским, тюркским, угрофинским, енисейским. Аспиранты считали за большую честь работать под руководством Андрея Петровича. Ответность по исследованию была самая строгая. Сам Андрей Петрович выступал после каждой экспедиции, демонстрируя очень интересные полевые материалы. Перед тем как отправиться в экспедицию Андрей Петрович инструктировал нас, как работать с информантом. Каждый участник экспедиции вооружался вопросниками по системам, которые также составлялись членами экспедиции под руководством Андрея Петровича. Кроме того собирались фольклорные материалы и бытовые тексты. Секрет успеха каждой экспедиции заключался в том, что каждый собирал материал и для других. Дублирование работало на большую точность описания. Все собранные материалы обязательно проверялись самим Андреем Петровичем.

В дорогой для меня город Томск я смогла приехать из Красноярска только через десять лет, так как мне надо было сдавать кандидатские экзамены по германистике. И вот иду я по холлу, смотрю: стоят последние труды ТГПИ и среди них монография Андрея Петровича "Кетский язык". "Дай, думаю, куплю эту книгу, а Андрей Петрович подпишет на добрую память". А позднее Андрей Петрович посмеивался надо мной как бы продолжая мою мысль: "Дай, думаю, куплю, дай, думаю открою, посмотрю да почитаю".

Над этой книгой я сидела год, пытаюсь вникнуть в систему кетского языка. Я знала, что тему для исследования получить не так-то было просто и тогда мне пришла в голову мысль, не написать ли Андрею Пет-

ровичу письмо на кетском языке. Сказано – сделано. В письме говорилось о том, что есть такой народ кеты, что живут они в Туруханском районе, занимаются охотой, рыбной ловлей, ведут свое домашнее хозяйство и все зависит от времени года. В конце письма я обратилась с просьбой дать мне тему для исследования. Скоро я получаю открытку. "Приезжайте, чтобы поговорить о теме".

Андрей Петрович принял меня в своем домашнем кабинете. Тема называлась "Категория состояния". В течение двух часов мне объясняли, что в кетском языке, в отличие от других языков, существует категория рода процесса, когда грамматически выражается такое воздействие на объект, в результате которого объект преобразует необходимое состояние. Существует парадигматический параллелизм в формах действия и формах состояния. Одной из задач исследования было установление всех возможных форм и их закономерностей. Меня поразили глаза Андрея Петровича. В его глазах было столько глубины и магнетизма, как если бы он владел тайнами вселенной. Очевидно, это так и было. Ведь структура отражения близко или далеко изоморфна структуре вселенной. Способы же строения структур отражения многих народов были известны Андрею Петровичу.

За год работы над темой я почти ничего не достигла. Тема оказалась слишком сложной для меня в те далекие времена. Очевидно надо было жить в городе Томске и не быть настолько обремененной всяческими заботами. Я попросила у Андрея Петровича тему "Синтаксис простого предложения". Он меня хорошо поругал, но согласился. Работа пошла быстро, так как традиционная концепция по анализу предложения прекрасно разработана. Однако Елизавета Ивановна Убрятова, известный тюрколог и мой оппонент по защите, при общем хорошем отзыве отметила, что традиционная схема анализа является явно недостаточной для кетского языка, ибо синтаксические категории не унифицируются полностью из-за инкорпорированных объектных и адвербиальных показателей и здесь нужен другой подход и другая мера.

Когда я защитила диссертацию в Новосибирском университете, то мое вступительное слово было на кетском языке, что вызвало оживление в аудитории. Но потом ко мне подошла Ангелина Ивановна Кузьмина и поинтересовалась, кто из информантов переводил мне выступление. Когда я ответила, что я сама,

то она была страшно разочарована, ведь я не была кетом и не могла владеть инструментом структурирования мысли в должной степени.

Сердце замечательного ученого перестало биться 15 января в 10 часов. Телеграмма пришла на следующий день. Вечерний новокузнецкий поезд, ожидание бийского поезда в Тайге, такси к главному корпусу и я едва успела к последнему пути Андрея Петровича. Прощание проходило на первом этаже в небольшой аудитории. Родные, друзья, аспиранты, преподаватели, студенты стояли молча, потрясенные смертью Андрея Петровича. Был морозный день с ветром. Большой духовой оркестр в офицерском составе прогремел траурный марш вслед улетающей душе Андрея Петровича. Над могилой звучали прощальные скорбные речи. Помню только, что Рима Бирюкович едва могла говорить, так как слезы душили ее.

После защиты я занималась вопросами семантического синтаксиса и моя концепция получила положительную оценку на кафедре немецкого языка

Таганрогского пединститута под руководством доктора филологических наук, профессора Вернера Генриха Каспаровича. Однако в силу очень сложных обстоятельств мне пришлось расстаться со всеми идеями и исследованием. И вот, хотите верьте, а хотите нет, начался процесс моей реанимации в науке уже два года. Дело в том, что я увидела вещий сон, очень ясный и четкий. Андрей Петрович навещил меня в предрассветный час дважды: первый раз Андрей Петрович говорил и объяснял что-то в читальном зале, но слов не было слышно, к большому сожалению; второй раз Андрей Петрович стоя на коленях на льду положил руку мне на плечо. Я стала подтирать подтаявший лед, пытаюсь и отскрести его. Вот такой был сон. А вот и дешифровка: Андрей Петрович как бы следит за работой своей школы. Я еще имею или буду иметь к ней отношение. Кетский глагол – это лед, льдина, айсберг. Капли оттаявшего льда имеют свойство отражения, а отражение имеет символику, а символика имеет значение.

**“ЧЕМ БЫ ОН НИ ЗАНИМАЛСЯ, КАКИЕ БЫ ЗАДАЧИ НИ СТАВИЛ ПЕРЕД СОБОЙ,
ОН ВСЕГДА ВИДЕЛ ИХ ПО-СВОЕМУ И МАСШТАБНО”**

М.И. Черемисина

д.ф.н., профессор института филологии СО РАН

50 лет назад, окончив аспирантуру, я приехала из Москвы в Сибирь, в Томск, и тут второй раз, совсем по-другому – после лекций М.Н. Петерсона в МГУ – слушала курс языкознания у Андрея Петровича. Я вела за ним семинарские занятия, и иногда мы с ним обсуждали трудные для меня вопросы. Лекции он читал непросто, и говорил тоже непросто, но за словами всегда был свой взгляд, свои мысли, которые я запоминала, старалась улавливать суть и додумывать. Училась видеть многие знакомые вещи под новыми, неожиданными углами зрения. Но гораздо позже я осознала, каким своеобразным, каким крупным ученым, – Ученым с большой буквы был Андрей Петрович. В теории он поднимался очень высоко над первичными фактами, но не боялся и самой первичной работы с сырым материалом. Поэтому и были ему узки рам-

ки какой-то одной науки. Вопреки всем трудностям и превратностям, которых в его жизни было немало, он твердо шел путем, который избрал, далеким и трудным. Этот путь он приоткрывал и многим другим, которые продолжали и продолжают начатое им дело. Круг его научных интересов был необычайно широк. До него в Сибири не было еще ученых-филологов такого масштаба. После себя он оставил не только опубликованные труды по очень разным проблемам, не только память в сердцах и душах тех, кто его знал. Он оставил созданную им, первую в Сибири, томскую научную школу исследователей коренных народов Сибири, их языков, их прошлого и настоящего, их этногенеза. Филологи Сибирского отделения Академии наук приняли от него эстафету, и по мере наших сил мы стараемся быть на уровне, достойном его памяти.